

КОГНИТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА А. ЧЕХОВА

Герасименко И. А.

*Гуманитарно-педагогическая академия
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Ялта
E-mail: iragerasimenko@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению когнитивного контекста как одного из критериев дискурс-анализа. На материале эпистолярного дискурса А. Чехова предпринят его контекстный анализ, проанализированы лингвистические и экстралингвистические особенности эпистолярного дискурса, описано соотношение эпистолярного текста и дискурса, исследована связь между эпистолярным дискурсом, функциональным стилем и речевым жанром.

Ключевые слова: дискурс, когнитивный контекст, эпистолярный, текст, речевой жанр, стиль.

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс, порождающий текст и функционирующий в контексте разнообразных речевых жанров, «по самой сути явление когнитивное, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [4]. Ввиду этого, когнитивные параметры (наряду с прагматическими, семиотическими, социолингвистическими, коммуникативными, культурологическими и пр.) включены в матрицу осмысления текста и рассматриваются в числе важнейших критериев дискурса.

Показательно, что современная лингвистика представлена многочисленными исследованиями, учитывающими когнитивную параметризацию дискурсивных практик (об этом свидетельствуют, например, работы Е. А. Баженовой, Н. И. Клушиной, О. Ф. Русаковой, Л. Н. Синельниковой, А. В. Полонского и др. в области научного, массмедийного, PR-дискурса, дискурса вражды, интервью, детективного дискурса и под.). Однако ученые не всегда при описании определенных типов дискурса учитывают его когнитивный контекст, в то время как включение этого параметра позволит приблизиться к выявлению и описанию языковых (речевых) механизмов конструирования ментального пространства дискурсивной личности и социума в целом.

Если текстуальный (языковой) анализ предполагает изучение структуры текста на всех уровнях языка и включает рассмотрение его графической оболочки и стилистических приемов и фигур речи, то контекстный (контекстуальный) анализ направлен на рассмотрение места, времени, события и действия, сфер деятельности участников, их роли, социальных отношений и когнитивных характеристик. Деятельность субъектов, их социокультурная активность, убеждения и идеология

позволяют соотнести продуцируемые дискурсом тексты с процессами их производства и потребления, а также описать процессы убеждения, передачи информации и способы их выражения. Как раз на фоне контекста значения языковых знаков могут определяться как «когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения, конкретные концептуализации» [2, с. 5]. Признание ведущей роли когнитивных контекстов дискурс-анализа обуславливает цель данной статьи – рассмотреть контекстный компонент эпистолярного дискурса. Материалом исследования послужили ключевые сегменты эпистолярия А. Чехова. Методами исследования выступили описательный, контекстуальный, дискурс-анализ, контент-анализ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Эпистолярный текст как «концептуально, информативно и прагматически значимое письменное речевое произведение, категориальными признаками которого считаются политематичность, стандартная структура, особая роль пресуппозиции и фактора адресатной направленности» [6] актуализирует коммуникативные, когнитивные, лингвистические, социокультурные способности участников данной сферы коммуникации. Эпистолярный как категория функциональной стилистики и жанрологии выступает соединением разных жанров и стилей, это разнородная единая структура, объединяющая черты разных стилей и представляющая собой комплексный жанр речи. В «Краткой риторике» А. Ф. Мерзлякова отмечается, что «содержание писем столь же многообразно, сколь многообразно может быть намерение и отношения между лицами, имеющими переписку, <...> а сколь многообразно содержание писем, столь многообразны и правила писать их» [7, с. 137]. Разностилевая принадлежность и жанровая комплексность эпистолярия обусловлена тем, что его тексты имеют многообразную речевую реализацию, выраженную, например, в виде частной (дружеской и любовно-интимной) переписки; профессионально-ориентированных писем; коммерческой переписки, т. е. писем как официальных документов делового общения фирм и частных лиц; открытых писем и пр. Поэтому эпистолярные тексты могут отличаться не только тематикой, но композиционным и стилистическим своеобразием (согласно концепции речевых жанров М. М. Бахтина), а также комплексом культурно значимых особенностей. Однако жанры дружеского, любовно-интимного или письма как официального документа делового общения, имея существенные отличия, обладают общими для них традиционными «рамочными» компонентами, в числе которых эпистолярные приветствия, прощания, постскриптум. Данные речевые «сегменты» понимаются как «отрезки эпистолярной письменной речи, соответствующие определенным текстовым фрагментам и характеризующиеся следующими коммуникативными признаками:

иллокутивной направленностью, жанровой ориентацией, особыми языковыми средствами выражения. Каждый из обозначенных речевых сегментов целостного эпистолярного текста обладает статусными характеристиками микроструктуры – смысловой, семантической, лексической, – в соответствии с различными уровнями восприятия» [5, с. 54].

Эпистолярный текст, объединяющий лингвистические и экстралингвистические факторы текстообразования, выступает частью эпистолярного дискурса (см., например, работы А. Е. Курьянович: [5; 6]), который мы, вслед за Н. Д. Арутюновой, понимаем как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [1, с. 137].

Как известно, контекстный (контекстуальный) анализ любого дискурса (в том числе и эпистолярного) направлен на изучение времени, места, события и действия, сфер деятельности участников, их роли, социальных отношений и когнитивных характеристик. Деятельность субъектов, их социокультурная активность, убеждения и идеология позволяют соотнести продуцируемые дискурсом тексты с процессами их производства и потребления, а также описать процессы убеждения, передачи информации и способы их выражения. Так, в текстовое пространство эпистолярия А. Чехова «вплетены» перифразы, языковая игра, интертекстуальность, использование которых объясняет отношения участников переписки. Например, в завершающем сегменте адресованного Л. С. Мизиновой письма А. Чехов описательно передает идею прощания, используя выражение, смягчающее интимное высказывание. Ср.: *Будьте благополучны и не забывайте побежденного Вами Царя Мидийского* [10, с. 559]. Для достижения этой цели автор обращается к известному историческому факту завоевания ассирийцами древней Мидии.

Как раз на фоне контекста значения языковых знаков могут определяться как «когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения, конкретные концептуализации» [3, с. 5] и объясняться через привлечение неязыковых (энциклопедических) знаний. Например, варианты подписи А. Чехова содержат не только принятые в русской лингвокультуре формы имени и/или фамилии (типа *А. Чехов, Ант. Чехов, Ваш Чехов*), но и имена-отсылки к известным литературным героям и их авторам. К их числу относятся номинации типа *Ваш Эгмонт*, где *Эгмонт* (нем. *Egmont*) – герой трагедии И. В. Гете «Эгмонт»; *Твой Шиллер Шекспирович Гете; Ваш Акакий Тарантулов*, содержащее имя известного литературного героя Н. В. Гоголя – Акакия Акакиевича Башмачкина, и псевдоним *Тарантулов*, которым подписан драматический этюд А. Чехова «Вынужденное заявление... Скоропостижная конская смерть, или Великодушие русского

народа» [11, с. 652]. Прагматика этих и подобных подписей А. Чехова объясняется литературной деятельностью автора, его профессиональной ориентацией на художественное слово и образ. В свою очередь, подписи *Вольнопрактикующий врач А. Чехов* [11, с. 69], *Антоний и медицина Чеховы* [11, с. 114] выступают отсылками к другому когнитивному контексту – медицинской деятельности А. Чехова.

Когнитивный контекст (который Дж. Лакофф называет ментальными пространствами, а Жиль Фоконье – ментальными областями) включает знания, верования, представления, намерения в их отношении к коммуникантам, дискурсу, реальному и возможным мирам, к культурной ситуации, статусно-ролевым отношениям участников, способу коммуникации, стилю дискурса, регистру и предмету общения, – всем аспектам контекстуальности, в рамках которых происходит осмысление языковых единиц. Например, адресованные старшему брату А. Чехова – Александру Павловичу – обращения типа *Отче Александре! Владыко! Маленькая польза! Голова садовая! Карантинно-таможженный Саша Велемудрый секретарь! Доброкачественный брат мой, Александр Павлович! Милейший Александрович Павлович г. Чехов! Глубокомысленный Саша! Двучиновольнодумствующий Саша! Брат наш мерзавец Александр Павлыч* иллюстрируют статусно-ролевые отношения коммуникантов, стиль их общения и степень близости.

Когнитивные контексты – это когнитивные структуры, которые «стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [2, с. 25]. Так, подпись *А. Чехонте* понятна на фоне концепта ‘псевдоним’: под этим именем печатались его первые произведения и так именовали А. Чехова его школьные друзья. Это же относится и к используемой в эпистолярной А. Чехова подписи *Homo Sachaliensis* (лат. *Сахалинский человек*), связанной с известной поездкой А. Чехова на о. Сахалин. Как видим, данные примеры подтверждают тезис о том, что дискурс-анализ ориентирован на изучение связей «между текстом, дискурсом и контекстом» [9, с. 52].

ВЫВОДЫ

Когнитивный контекст эпистолярная А. Чехова, выступая структурами знаний о дискурсивной личности автора, лежит в основе интерпретации языковых значений компонентов текста. Его привлечение к анализу эпистолярная позволяет говорить как о глубине языковых и социокультурных знаний А. Чехова, так и о высоком уровне познавательного опыта автора. При этом учет когнитивного контекста способствует выявлению механизмов конструирования ментального пространства дискурсивной личности и социума в целом, позволяет максимально полно описать определенный (в том числе и эпистолярный) дискурс как «ключевую категорию бытия человека» [8, с. 48] и своеобразный мозаичный конгломерат. Именно в этом

направлении следует изучать эпистолярный, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 533 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 163 с.
3. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка [Электронный ресурс] / Н.Н. Болдырев. – Режим доступа: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/186.pdf>
4. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. – М., 2000.
5. Курьянович А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Курьянович. – Томск, 2002.
6. Курьянович А. В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт / А. В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 4.
7. Мерзляков А. Ф. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических: В пользу благородных воспитанников Университетского пансиона (1808) / А. Ф. Мерзляков // Русская риторика: хрестоматия. – М.: Просвещение, 1996.
8. Полонский А. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления [Электронный ресурс] / А. Полонский. – Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org/ada6.pdf>
9. Филлипс Н. Что такое дискурс-анализ? [Электронный ресурс] / Н. Филлипс, С. Харди. – Режим доступа: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1974–1986. – Т. 12. – 1981.
11. Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 т. / А. П. Чехов. – М.: Худ. лит., 1963. – Т. 11